

Тамара Эйдельман

*КАК РАБОТАЕТ
ПРОПАГАНДА*

Издательство Individuum

Москва, 2018

УДК 32.019.51

ББК 60.527

Э99

Эйдельман, Тамара Натановна

Э99   Как работает пропаганда / Тамара Эйдельман. — Москва : Индивидуум, 2018. — 216 с.

ISBN 978-5-6040721-4-1

Тамара Эйдельман, учитель истории с тридцатилетним стажем и популярный лектор, исследует истоки и состояние пропаганды. На примерах из разных стран и столетий она показывает, как ангажированные медиа влияют на общественное мнение, как устроены типичные пропагандистские приемы и как следует читать новости в эпоху постправды.

© Эйдельман Т., 2018

ISBN 978-5-6040721-4-1

© ООО «Индивидуум Принт», 2018

Оглавление

Вступление	7
------------------	---

Часть 1

«Мы» — «они»: образ врага

Глава 1. Нет никого ужаснее наших врагов	14
Глава 2. «Они» другие	32
Глава 3. Чужой среди своих	74
Глава 4. Классовые враги	78
Глава 5. «Американка гадит»	80
Глава 6. Кемерово	85

Часть 2

Патриотическая

Глава 7. «Россия — родина слонов»	88
Глава 8. Рождение героя	118

Часть 3

Как это работает

Глава 9. Принципы Геббельса	152
Глава 10. Как в это можно поверить?	162
Глава 11. «Все очень просто: слова»	169
Глава 12. Лучше один раз увидеть	181
Заключение	211

ном все оказалось еще сложнее. «Еврей Зюсс» – не единственный антисемитский фильм, в котором он снялся, но первым браком он был женат на еврейке, которая родила ему дочь, а первый муж его второй жены был евреем, и Марианы прятали его от ареста. Актера, судя по всему, политика совершенно не интересовала, но, как бывает в таких случаях, укрыться от нее не получилось. Фильм «Еврей Зюсс» стал хрестоматийным примером фашистской пропаганды, и после войны возможности сниматься для Мариана оказались закрыты. Так до сих пор и не понятно – случайно ли он, будучи пьяным, врезался на машине в дерево или же это было самоубийство.

Дело Бейлиса

Бывают страшные времена, когда по тем группам, которые автоматически считаются виновными, наносится удар. Удар, под который попадают все – взрослые, дети, старики, – всех сажают в грузовики и везут в лагерь или в ссылку, гонят в газовую камеру. Но даже если ты живешь в более спокойное время, но принадлежишь к той самой «особо опасной» группе, то удар в любой момент может обрушиться на тебя, потому что ты – «из тех».

12 марта 1911 года в Киеве исчез 12-летний мальчик Андрияша Ющинский. Его хватились не сразу – мать и отчим не слишком им занимались, воспитывала его тетка, которая не всегда могла уследить за тем, куда и с кем он ходит. Говорили, Андрияша рос мальчиком смелым (не боялся даже ночью ходить один) и богобоязненным (собирался стать священником). Последний момент позже окажется важным. Его тело нашли только 20 марта. Нашли в пещере, хотя, наверное, правильнее сказать, в подземной дыре, в пригороде Киева. Он сидел со связанными руками, в одном белье, его вещи были сложены рядом. Мальчику нанесли 47 колотых ран, труп был совершенно обескровлен.

Сразу пошли разговоры, что кому-то понадобилась его кровь. И тут же вспомнили давние, многовековые слухи: мол, кровь христианских младенцев нужна евреям, чтобы готовить мацу на еврейскую Пасху. Уже и тогда много писали и говорили, что это выдумка, что для евреев, наоборот, кровь лишает пищу ритуальной чистоты и для изготовления мацы никакая кровь не нужна. Но как только обнаружили тело, родным мальчика и полицейским стали приходить анонимные письма, в которых сообщалось, что убийство – ритуальное, мальчика «убили жиды». Во время похорон Андрюши черносотенцы раздавали напечатанные листовки с призывами «бить жидов». Следователи проверили версию о ритуальном убийстве, но никаких доводов, подтверждавших ее, не нашли.

Сначала возникло предположение, что убийца – отчим, который хотел получить большую сумму денег, вроде бы оставленную мальчику отцом. Но «общественность» не дремала. Все чаще и чаще стали появляться антисемитские статьи, в которых доказывалось, что мальчика – тем более богобоязненного и мечтавшего стать священником! – убили, просто должны были убить евреи. К тому же убийство произошло в субботу, незадолго до еврейской Пасхи. Такие «мелочи», что суббота считается у евреев днем, предназначенным для молитв и отдыха, когда ничего нельзя делать, а также то, что в рецепт мацы ничья кровь – ни человеческая, ни животная – не входит, не имело никакого значения. Члены Союза русского народа отслужили панихиду по Андрюше Ющинскому и установили на его могиле крест. Мальчика стали потихоньку превращать в мученика, чуть ли не в страдальца за веру.

Журналисты, политики и просто «взволнованные граждане» все чаще говорили и писали, что это явно ритуальное убийство, и никакие доводы не действовали. И даже миф о ритуальных убийствах христианских младенцев гласит, что кровь должна быть получена у живой жертвы – очевидно, чтобы злодеи могли насладиться мучениями ребенка. Но эксперты

доказали, что большая часть ран была нанесена мальчику уже после смерти. Это тоже никого не убедило.

«И первым, и вторым вскрытием отвергнуто предположение о сексуальном и ритуальном характере убийства», – написал вовсе не еврей и не либеральный адвокат, а митрополит Киевский Флавиан.

Начальник Киевского сыскного отделения Евгений Мищук сначала изучил ритуальную версию убийства, но затем все больше начал концентрировать свое внимание на Вере Чеберяк, хозяйке воровского притона. Андрюша Ющинский дружил с ее сыном Женей. Убийцы так и не были найдены, но сегодня наиболее правдоподобной считается именно версия, которую начал разрабатывать Мищук: Женя Чеберяк поссорился с Андрюшей, и тот пригрозил всем рассказать, что Женина мама покупает и продает ворованные вещи. Женя наядбедничал маме, а мама и ее подручные решили подстраховаться. Мищук в конце концов пришел к выводу, что убийство «было совершено преступным миром с целью симулировать ритуальное убийство и вызвать еврейский погром». Он считал, что, во-первых, Чеберяк и другие злоумышленники хотели отвести от себя подозрения, а во-вторых, погром – это всегда возможность безнаказанных грабежей. Мищука быстро отстранили от дела, обвинили в подлоге и арестовали. Следователей все больше подталкивали к тому, чтобы найти доказательства ритуального характера убийства.

И раз уж так нужно было доказать, что мальчика убили евреи, то надо было найти подходящего еврея.

Тут в дело опять вмешались «представители общественности». Почти с самого начала на расследование активно пытался давить человек, которого сегодня назвали бы «православным активистом», – молодой студент, председатель общества «Двуглавый орел» Владимир Голубев. Голубев был, как мы бы сказали, «мальчиком из хорошей семьи». Его отец был церковным историком, брат – архиепископом. Сам он учился в гимна-

зии в одном классе с Михаилом Булгаковым, затем поступил на юридический факультет университета, вступил в Союз русского народа, а вскоре еще и в патриотическое общество молодежи «Двуглавый орел», и начал издавать газету «Киев». Голубев был энергичным молодым человеком. Он устроил в Киеве антипольскую демонстрацию, во время которой студенты отправились к зданию редакции польской газеты на Крещатике и стали бросать в окна камни и бутылки с чернилами. Позже они пытались бить стекла издательства либеральной газеты «Киевская мысль», но там им оказали сопротивление.

Позже, уже в 1912 году, в разгар дела Бейлиса, один журналист пришел в редакцию газеты, издававшейся обществом «Двуглавый орел», но его вопросы не понравились сотрудникам и они его попросту избили. Через некоторое время другая газета опубликовала карикатуру на Голубева, так он тут же явился в редакцию, где «встал и вдруг, не говоря ни слова, развернулся и с такой силой ударил г. Ларского [редактора] по лицу, что тот в первое время от неожиданности не мог опомниться, и только когда Голубев направился к выходу, крикнул, чтобы позвали полицию и задержали Голубева».

Вот этот симпатичный молодой человек изучил территорию рядом с тем местом, где было найдено тело Андрюши Ющинского, и обнаружил там – ура! – «усадьбу некоего жида Зайцева» с принадлежавшим ему кирпичным заводом, а рядом жил «его управляющий, какой-то еврейчик Мендель». Именно об этом Голубев заявил следователю, добавив: «Лично мое мнение, что убийство, скорей всего, совершено или здесь, или в еврейской больнице. Доказательств, конечно, этому я представить не могу».

Вот что написал о студенте Владимире Голубеве Антон Носик в своей статье «Дело Бейлиса: опыт несотрудничества»:

«О сходстве политтехнологий, породивших „дело Бейлиса“, с сегодняшними упражнениями власти по разжиганию ненависти в об-

шествие я написал колонку в The New Times. Эти печальные „рифмы“ через столетие — свидетельство тому, что уроки истории, увы, остались не выучены. А рифмуется там практически все: и технические приемы обвинения, и сопутствующие лозунги, и ключевые фигуранты. Скажем, застрельщиком „дела Бейлиса“, изначально придумавшим всю схему с фабрикацией обвинения, был не какой-нибудь силовик, министр или депутат Госдумы, а юный „общественник“: студент Голубев, глава провластной молодежной организации, которая и по своим задачам, и по методам, и по механизмам взаимодействия с властью являлась прообразом наших. Там тоже при негласной господдержке имитировалось массовое молодежное движение для борьбы с „врагами России“: так же, как Кристина Потупчик сто лет спустя, студент Голубев сознавал, что врагов этих сперва нужно выдумать. И так же, как студент Голубев за сто лет до нее, Кристина Потупчик в своих инструктажах требовала от соратников заострять внимание на явном или скрываемом еврействе „врагов России“».

Владимир Голубев указал следствию на скромного приказчика Менахема Бейлиса, который даже религиозным не был — работал по субботам, дружил с местным православным священником, даже, говорят, во время погрома к нему приходили черносотенцы и успокаивали, что ему-то бояться нечего. Но как только Бейлис оказался в камере, а затем на скамье подсудимых, он уже перестал быть тихим, работающим Менахемом Бейлисом, главной мечтой которого было дать образование сыну и оплатить его учебу в гимназии. Он превратился в одного из «них», в часть вечно виновной группы, и все его личностные характеристики отошли на второй план. Вот что писал во время процесса журналист киевской газеты «Земщина»:

«Из зала суда. Убийца Ющинского, Мендель Бейлис — типичный преступник, с выдающейся нижней челюстью, покатым лбом. Голова с широким иудейским затылком густо поросла жестки-

ми, матово-черными волосами. Фигура широкая, сутуловатая, крепкая... Старые художники изображали убийц и заговорщиков с такими лицами и фигурами. Он часто подносит платок к глазам и делает вид, что плачет...»

И дело даже не в том, что человека, который еще не был осужден, уже называют убийцей, хотя это противоречит всем юридическим правилам и принципу презумпции невиновности. В конце концов, это не выступление юриста, а заметки журналиста. Но автор статьи не собирается рассматривать доказательства виновности или невиновности Бейлиса, потому что заранее знает, что тот виновен. И виновен он не потому, что пойман с поличным, – это невозможно, потому что Бейлис никого не убивал. И не потому, что есть неопровержимые доказательства его вины, – их не существовало. Он виновен, потому что он еврей. Об этом автор и пишет. Оказывается, тихий спокойный приказчик – «типичный преступник». А черты преступника – это выдающаяся нижняя челюсть и покаты́й лоб, «иудейский затылок» (что бы это ни значило) и «матово-черные волосы». Даже «старые художники», творцы былых времен, осуждают Бейлиса, потому что именно так они рисовали злодеев. И даже если Бейлис подносит платок к глазам, то он не плачет, а делает вид, что плачет.

Владимир Галактионович Короленко, сыгравший огромную роль в защите Бейлиса, писал:

«В Государственной думе депутат Марков живописал следующую картину. Дети в яркий солнечный день играют в садике, не чуя беды... вот к ним (среди белого дня!) уже „подкрадывается еврейский резник с кривым ножом (!) и, наметив резвящегося на солнышке ребенка, тащит к себе в подвал“. Большинство депутатов хохотало, тогда „оратор“ стал прямо грозить погромом. И это, конечно, было единственное место речи, в котором звучало хоть некоторое правдоподобие».

Приказчик превратился в «резника». Резник – это человек, резавший скот в соответствии с предписаниями иудейской религии. Менахем Бейлис был приказчиком на заводе. Но черносотенцу Маркову надо показать, что он зарезал православного мальчика как скот, и вот он уже называет его резником. Андрюше Ющинскому нанесли множество колотых ран чем-то вроде большого шила, но шило выглядит не так впечатляюще, как нож, и Марков тут же наделяет Бейлиса ножом, да еще кривым – как у пирата из детских книжек.

Очень быстро стало ясно, что речь идет вообще не о Бейлисе.

И вот уже депутаты Государственной думы говорят о необходимости принять меры для «обнаружения еврейской секты, замучившей Ющинского», и возмущаются полицией, которая проводит следствие «не к выяснению, а к сознательному затемнению дела, не к обнаружению истины, а к сокрытию ее, не к изобличению иудеев, совершивших, по убеждению местного населения, зверское убийство ради крови христианского младенца, а к отвлечению подозрения».

Рассматриваются не улики против конкретного Бейлиса, которых нет, а вопрос «вообще» – существуют ли ритуальные убийства у евреев. И обвинители не сомневаются, что такие убийства происходят, вот что пишет газета «Русское знамя»:

«...Религия эта, по русским законам, не может быть дозволена и участники ее подлежат обезвреживанию или путем ссылки в такие места, где они должны вымереть, или путем вечного заключения. ... Признав жидовскую религию изуверской, правительство не остановится перед мерами ликвидации жидов тем или иным способом».

Черносотенные журналисты ликуют. «Наша юстиция не дрогнула. И не только поставила определенное обвинение Бейлису, но решилась поставить вопрос прямолинейно – об убийстве с ритуальной целью. Это величайшая заслуга судебного ведомства!» – пишет «Земщина».

Разделение на два лагеря проходило не по линии «националист – не националист», а, скорее, между честными людьми и негодяями. Знаменитый националист Василий Шульгин очень не любил евреев, но само обвинение и ход процесса вызвали у него возмущение. Газета Шульгина «Киевлянин», к удивлению многих, начинает заступаться, наверное, не столько даже за Бейлиса, сколько за здравый смысл:

«Процесс идет так, как того и следовало ожидать. Все отлично знали, что не в Бейлисе тут дело, что он в этом процессе есть досадная формальность, устарелое требование закона, некая условность, без которой нельзя обойтись. Так и продолжается. Идут целые дни, когда о Бейлисе не упоминают ни одним словом, и суд даже, по-видимому, забывает о его существовании».

Отношение к евреям оказывается важнее многого – честности, научного подхода, объективности. Известный психиатр и ученый Иван Алексеевич Сикорский выступал свидетелем на процессе и заявил, что это убийство – «расовое мщение или вендетта сынов Иакова к объектам другой расы... Факт избрания жертвой детей... а также обескровливание убиваемых... вытекает из других оснований, которые, быть может, имеют для убийц значение религиозного акта». Эти слова не имели никакого отношения к сфере деятельности Сикорского – он не был специалистом по религиозным обрядам, но зато твердо верил в существование ритуальных убийств. Короленко написал: «Профессор Сикорский вместо психиатрической экспертизы стал читать по тетради собрание изуверных рассказов, ничего общего с наукой не имеющих». Коллеги-психиатры пришли в ужас. Владимир Петрович Сербский, основатель судебной психиатрии в России, заявил: «В экспертизе профессора Сикорского наука с ее первым и необходимым условием – добросовестностью – и не ночевала». Журнал «Современная психиатрия» назвал экспертизу «позорной и не соответствующей самым эле-

ментарным научным требованиям». Журнал невропатологии и психиатрии заявил, что «маститый русский ученый скомпрометировал русскую науку и покрыл стыдом свою седую голову». А Общество психиатров даже вынесло отдельную резолюцию, назвав экспертизу «псевдонаучной, не соответствующей объективным данным вскрытия тела». Сикорского осуждали в журналах и газетах, на съездах психиатров в России и за рубежом. Тот взывал к полиции, и за критику экспертизы Сикорского в России даже закрыли несколько медицинских обществ.

Разумная же медицинская экспертиза говорила, что «уколы в область сердца дают, как и пулевые ранения, колоссальное кровоизлияние внутрь и незначительное наружу. Эти раны не есть средство для получения крови». Это были слова Ивана Петровича Павлова.

Но раз медики протестовали, надо было найти другие доказательства вины – причем опять же не Бейлиса, а всех евреев вообще. Обвинение решило опереться на еврейские религиозные сочинения. В деталях иудейской обрядности мало кто разбирался, кроме самих евреев, и читать тексты на древнееврейском языке мало кто умел. Не могли этого сделать и обвинители, но они нашли человека, который должен был им помочь. Специально из Туркестана был привезен католический священник, готовый «как эксперт» засвидетельствовать существование ритуальных убийств у евреев. Вот что об этом пишет писатель Семен Резник:

«Ксендз Пранайтис и оказался тем человеком, который осмелился под присягой, на глазах всего мира, пристально следившего за процессом, возвести кровавый навет на целый народ. Пранайтис приводил цитаты из Талмуда, из которых следовало, будто евреи — враги всего человечества; будто они ненавидят христиан и ежедневно проклинаят их в своих молитвах; будто их религия позволяет и даже предписывает обманывать христиан, всеми правдами и неправдами захватывать их имущество, быть

клятвопреступниками, лицемерами, и, наконец, будто при многих иудейских обрядах, а особенно при изготовлении пасхального хлеба-мацы, евреям предписывается добавлять христианскую кровь, которую они добывают, убивая младенцев». О самом Бейлисе здесь ни слова — суд идет над всем еврейским народом. Но и тут доказательства, построенные на никому не понятных и неизвестно откуда взятых текстах, начинают разваливаться: „Защитники попросили ксендза Пранайтиса указать, в каких именно трактатах Талмуда имеются приводимые им тексты. На это эксперт ответил, что не взял с собой своих записей, а по памяти ссылки делать не может. Тогда защитники предоставили ему Талмуд — с тем, чтобы он отыскал и перевел приводившиеся им цитаты. Пранайтис ответил новой уловкой: цитированные им места имеются-де не во всех изданиях Талмуда, а только в некоторых, очень редких, достать их почти невозможно (он назвал издания 300-летней давности). Однако защита, под смех зала, ответила, что у нее есть и эти издания, и Пранайтис оказался припертым к стене“».

Сын Веры Чеберяк умер во время процесса — скорее всего, от дизентерии, хотя тут же пошли слухи, что его отравили, чтобы он не смог дать показаний против Бейлиса. Короленко написал:

«Перед смертью сына г-жа Чеберяк наклонялась над ним, целовала его и умоляла: „Скажи, что твоя мама тут ни при чем“. Но мальчик отвернулся к стене и сказал только: — Ах, мама, оставь...»

Я не знаю теперь в России женщины несчастнее г-жи Чеберяк. И она проявляет изумительное самообладание... Во всяком случае, это факт, из дела неустрашимый: дети против нее... Дети за Бейлиса».

Трудно сказать, что повлияло на присяжных, чьи мнения разделились поровну: шесть за, шесть против, а в дореволюци-

онной России это означало, что принималось решение в пользу обвиняемого. Антон Носик обратил внимание на то, как дружно общество в 1913 году противостояло волне безумия и фальшивых обвинений:

«Организаторы дела Бейлиса на всех стадиях подготовки показательного процесса столкнулись с тотальным отказом правоохранительного сообщества от сотрудничества с обвинением. Во всей киевской окружной судебной палате не нашлось судьи, готового вести дело в нужном власти ключе, — судью Федора Болдырева пришлось для этих целей привезти из Умани, пообещав после успешного завершения суда сделать главой палаты. Во всем Киеве не нашлось прокурора, согласного представлять заведомо ложное обвинение: блядовитого обвинителя Оскара Виппера пришлось взять аж из Санкт-Петербурга. Еще хуже обстояло дело со следствием. Власти были вынуждены поочередно отстранить от расследования всех, кто им занимался с 1911 года... Такая же проблема возникла у обвинения и с экспертами из медицинской и церковной среды. Все медицинские эксперты, осматривавшие тело убитого мальчика, поочередно отвергли версию о ритуальном убийстве. В результате обвинению пришлось привлечь к экспертизе платного агента Департамента полиции Косоротова (получившего за свои показания 4000 рублей наличными из тайных полицейских фондов) и черносотенца Сикорского, чьи показания на процессе были решительно осуждены российским медицинским сообществом... Ни высшие иерархи православной церкви, ни местные священники не согласились лжесвидетельствовать, чтобы помочь осуждению невиновного... Апофеозом несотрудничества в деле Бейлиса стал вердикт присяжных. Они, как известно, отбирались и напутствовались судьей Болдыревым с единственной целью: гарантировать обвинительный приговор, независимо от хода судебного следствия. Пятеро заседателей, включая старшину, были просто членами „Союза русского народа“. Но и среди остальных семи не было ни лиц с высшим образованием, ни каких-то других сомнительных

личностей, которых можно было бы подозревать в тайном „либерализме“ или сочувствии жидам... Несмотря на такой основательный подход организаторов процесса к формированию коллегии присяжных и манипуляции их мнением, вымутить обвинительный приговор властям не удалось. При всем своем антисемитизме, при безусловной готовности поверить в то, что евреи действительно употребляют кровь христианских младенцев для выпечки мацы, большинство заседателей оказалось не готово взять грех на душу, осудив невиновного. В результате 100 лет назад Менахем Мендель Бейлис был оправдан присяжными и освобожден в зале суда. И в этом — великая заслуга всех тех, кто отказался ради высших государственных соображений поддержать ложное обвинение».

Бейлис поспешил уехать с семьей — сначала в Палестину, а потом в Америку. Иван Сикорский умер в Киеве, занятом Петлюрой, в 1919 году. Владимир Голубев погиб во время Первой мировой войны. Многие из тех, кто травил Бейлиса и организовывал процесс, через много лет погибли в сталинских лагерях, что тоже дало возможность любителям разговоров «о жидомасонском заговоре» заявить, что это еврейские комиссары сводили с ними счеты. Но среди тех, кто защищал Бейлиса, тоже есть жертвы сталинских репрессий.

Принцип коллективной ответственности в истории XX века, к сожалению, применялся очень часто. В СССР целые народы отправляли в ссылку за реальные, а чаще вымышленные преступления отдельных их представителей. После войны евреев объявили «самой космополитической нацией». В Германии в газовые камеры посылали целые группы людей — преступление евреев, цыган или гомосексуалов состояло уже в самом их существовании.

Разве что папы римские Иоанн XXIII и Павел VI пошли против общей тенденции, и Второй Ватиканский собор принял решение о том, что современные евреи не виноваты в распятии Христа.